

тельственный тон, мистический флер и прочие задушевные прибабасы.

Вот и договорились.

Улыбаюсь тупой сукке. Сочувственно. Сердечно. Но и снисходительно: дескать, и не такое видывали, и не с такими бедами справлялись. Все будет путем. Все как у людей, только чуть-чуть лучше. Гарантирую.

Она мне верит. Ей со мною хорошо. Того гляди на грудь обрушит тяжесть телесную. Впрочем, до такого пока ни разу не доходило. Ко мне все больше ходят воспитанные люди. Дрессированные, безопасные зверушки. Не хищные даже, просто всеядные. Другдругоядные в том числе, кстати... Да уж, кстати-кстати, кис-кис, тати.

Брысь.

Ничего из ряда вон выходящего не происходит. Не консультация — лафа, послеобеденный отдых. Сорокалетняя ложная блондинка Лена уже давно перестала меня слушать. Даже вопросы задавать перестала. Поняла, что никакие вопросы не воссоединят ее горемычный сигнификатор\* с вождленным Королем Жезлов. Разве только приворотное зелье, но от меня ничего в таком роде не дождешься. Духовных академиев по курсу православной космоэнергетики, чай, не кончали. Не начинали даже, Бог миловал.

Зато со мною можно поговорить по душам, чем она и занимается. Рассказывает, разглагольствует, жалуется, возмущается. Издает разнообразные членораздельные звуки моя прекрасная Лена. Разделяет, стало быть, члены. Вот и умничка.

Мне остается только слушать. Ей бы два высших образования вместо одного полусреднего, сидела бы теперь не у меня, а у психотерапевта — с тем же примерно эффектом. Оно ведь так устроено: человек всегда получает то, чего хочет. А хотят человеческие существа, как ни удивительно, вовсе не счастья, не канонического покоя-воли даже, а возможности как следу-

---

\* При гадании сигнификатором называется карта, которая обозначает вопрошающего.

ет пожаловаться. Исключения из этого правила, несомненно, существуют, но обходят меня (и коллег моих, психотерапевтов) стороной, как чумной барак.

И, вероятно, правильно делают.

Мне часто попадаются совершенно несносные дурищи, но Лена, надо отдать ей должное, — это просто чудо какое-то. Таких я давно не видела. Таких, как правило, еще в юности обувают уличные цыганки-мошенницы и навсегда отбивают интерес к мантическим практикам. Естественный, так сказать, отбор.

Однако Лена как-то справилась с негативным опытом отрочества и добралась до меня. И поскольку за час моей жизни *уплочено* вперед, придется потерпеть.

Терпеть осталось тридцать минут — всего-то. И говорить не о чем, если бы не зуб. Внизу справа болит глупая, бессмысленная костяная фиговина. Под коронкой, как я понимаю. Следовательно, дело дрянь. Кирдык, следовательно. Алмазный мой пиздец. Что и требовалось доказать.

Терпи, казак, атаманом будешь. Или не будешь — как повезет. Но ты все равно терпи. Не принимать же обезболивающее в присутствии клиентки! Не в моих правилах проявлять слабость. Скривиться, руку к пульсирующей челюсти прижать или, тем паче, охнуть, пожаловаться — низ-з-з-з-зя. Нехорошо это, не побожески. Десакрализация называется. Гадалке, у которой могут быть проблемы, пусть даже и преходящие, пустяковые вроде больного зуба, веры нет.

А их вера в меня — это мой хлебушек.

Хлеба я, к слову сказать, не ем. Разве только черный ржаной клейстер да сухие, безвкусные лепешки из рисовых, гречневых и еще не пойми каких зерен — вот тебе и хлебушек.

И ни слова о масле.

Ничего не попишешь: наследственность у меня не ах. Матушка к шестидесяти годам достигла воистину необъятных размеров. Да и папа, мягко говоря, не кузнецик. А мне излишки плоти ни к чему. Рука моя должна быть тонкой и когтистой, как птичья лапка, щеки впалыми, как у секса-

пильной туберкулезницы, а прочая тушка пусть стремится к нулю. Стоит щекам округлиться, и лицо мое станет ничем не примечательной добродушной рожицей, способной внушить разве что мимолетную симпатию, но уж никак не трепет. Увы, крючковатого ведьминского носа природа мне не подарила, а без этого артефакта фальшивые смоляные кудри, подлинные насупленные брови и даже в совершенстве освоенный зловещий, ухающий, совиный смешок — пустяки, дело житейское, как говаривал роковой мужчина моего детства, лучший в мире Карлсон.

Вот так вот.

Мне тем временем излагают очередную главу бесконечной саги о нелегкой судьбе белокурой Лены. Слушаю ее жалобный щебет вполуха — все как всегда плюс зуб, следовательно, минус милосердие. Но ничего, держусь. Вставляю порой полтора слова, благо больше от меня и не требуется. Даже скалюсь время от времени — фальшиво, но лучше, чем ничего. Лена, пожалуй, не заметит разницы, а с собственной совестью на сей раз договорюсь: форс-мажор как-никак.

Ох уж этот мне форс-мажор.

Зубная боль не убивает меня, но и сильнее не делает. Что скажете, гражданин Ницше? Не отворачивайтесь, отвечайте, когда вас спрашивают. Нет ответа? Что ж, очко ваше достается команде соперников, и не жалуйтесь потом на суровые наши обычаи...

Тридцать минут моей муки и рады бы замереть дрожащим студнем, стать вечностью, но не умеют пока. Иссякли, наконец. Гитлер капут. Ура.

— Спасибо, — щебечет Лена, кутаясь в шкуры нерожденных бараньих младенцев. — Вот, поговорила с вами, так даже зуб болеть перестал. Как сюда шла, разнылся, а пока сидела, перестал.

Вот так-так. Подружка по несчастью, значит.

— У вас зуб болел? — переспрашиваю участливо. — Нужно было мне сказать, попросить таблетку. Что же вы?

— Ну... Неловко было, — мнется. — Но он сразу прошел, зуб-то. Не болит больше, я ж говорю...

Неловко, значит. Лекарство попросить. Ну-ну. Обе мы хороши, конечно...

Она наконец уходит, а я пулей несусь к секретеру. Там, в потайном ящичке, хранятся не зловещие сатанинские талисманы, как, наверное, думают некоторые несознательные граждане и гражданочки. А вовсе даже цитрамон. Коего сожру сейчас три таблетки, дабы проняло. Вот такая черная магия, чернее не бывает.

Разрываю бумажную упаковку. Распахнув пасть навстречу спасению, вспоминаю, что нужна еще и вода: если уж вознамерилась столько дряни сразу заглотить, лучше бы ее запить. Оглядываюсь в поисках бутылки нарзана: с утра ведь была, а теперь спряталась. Выходи, партизан, все равно ведь найду и уничтожу!..

И тут я понимаю, что вода мне больше не нужна. И цитрамон не нужен. Зуб мой одумался, присмирел. То есть не утих, не затаился, не убавил громкость, а просто перестал болеть, так, словно бы не он испохабил мне давешнюю консультацию.

Зуб на мое ворчание реагирует с видом оскорбленной невинности. Мог бы — непременно стал бы сейчас многословно доказывать, что не было ничего. Мне, дескать, померещилось.

Ладно уж. Если даст слово вести себя прилично, сделаем вид, будто и правда померещилось. Не было никакой зубной боли. Моя коронка — лучшая в мире, они с зубом — идеальная пара, их союз нерушим. Они еще всем покажут, всех переживут, в том числе и меня. Меня, собственно, в первую очередь.

Да я и не против. Обратный вариант пугает меня куда больше.

И если уж все так удачно сложилось с зубом, а желающих испытать судьбу на горизонте вроде бы не видно, можно потребовать у Маринки положенный мне кофе. С нее согласно нашему договору причитается три чашки в день. Сегодня я выпила только одну, а значит, смысл бытия пока для меня не утрачен.

Выхожу в зал, на ходу нашупывая в кармане ключ от своей каморки. Ключ на месте, следовательно, дверь можно захлопнуть. Чтобы ни одна Алиса не пробралась в мою «страну чудес».

Мне в общем по барабану, а вот ребенка жалко: разочаруется. Ни тебе летучих мышей по углам, ни скелета в шкафу, ни змей гремучих, даже корня мандрагоры заваливающего — и того у меня нет. Только несколько карточных колод, древний, как проституция, ноутбук да потертая, трижды недоеденная молью дубленка из меха черных баранов, самая демоническая вещь в моем скромном хозяйстве. И самая тяжелая.

Пять часов пополудни, но в кафе почти пусто. Такой уж удивительный день понедельник. Вечер понедельника — благословенное время, когда пусто даже в московских кофейнях. Словно бы начало рабочей недели убивает в людях способность передвигаться и они лежат в своих офисах, пережидают понедельничный паралич, молчаливые, неприкайные, лишь зубами клацают жалобно, предвкушая маленькие радости грядущего вторника.

Зато Марина мне рада. Скучно ей, а тут все же развлечение. Подбираю долгополую «форменную» юбку, взбираюсь на табурет у стойки.

— Маринушка, — говорю, — спасай меня немедленно.

— Да как же тебя спасти, душа пропащая? — смеется.

— Сама знаешь. Как всегда.

Кивает, гремит посудой. Три минуты спустя я получаю чашку эспрессо, кусок тростникового сахара, салфетку и пепельницу. Марина, пригорюнившись, разглядывает мою скорбную рожу.

— Неприятная была дамочка? — спрашивает.

— Да нет, ничего. Зуб у меня разболелся, — жалуясь. —

В самом начале, представляешь?

Она молча сует мне под нос початую пачку пенталгина. Мотаю головой:

— Спасибо, уже не нужно. Ты прекрасная, Маринушка. Все прошло.

— Ну, слава богу... — вздыхает. — Это что ж ты ей нагадала, с больным-то зубом? Конец света? Пожар? Потоп? Новый дефолт?

— Обойдешься. Просто муж к ней не вернется. Но это и без карт было понятно, к таким не возвращаются... И потом она просто поговорить хотела. Как начала рассказывать — не остановишь. Ей, наверное, больше не с кем поболтать.

— Всем не с кем, — кивает Марина. — Ну, почти всем. Мне вот с тобой повезло.

И то верно.

Мне, впрочем, тоже с нею повезло. Еще как.

Марина хорошая. Ей, насколько мне известно, сильно за пятьдесят, она не закрашивает седину, не следит за фигурой и не терзает лицо кремами от морщин, но называть ее по имени-отчеству кажется мне нелепостью: Марина и Марина. Или еще лучше Маринушка.

Это кафе открыл специально для Марины ее сын: решил осуществить мамину заветную, несбыточную, как казалось ей до недавних пор, мечту. Молодец мальчик, ничего не скажешь.

Я видела его только один раз, мельком. Маленький смуглый мужчина с лицом индейского вождя. Вождь назывался незатейливо: Алексей Иванович (строго говоря, Хуанович, но с русским языком лучше так не шутить). Отец его, по словам Марины, был студентом не то из Чили, не то из Перу. У них даже романа толком не вышло — так, минутная слабость, клуб одиноких гениталий, вспомнить толком нечего. Ребенка она, однако, оставила. Не сдуру, не во имя моральных принципов и, тем паче, не по расчету. Просто была в те годы помешана на культуре южноамериканских индейцев, вот и родила себе маленького Тупака Юпанки — можно сказать, в коллекцию. А потом понемногу и любить научилась. Так, говорят, часто бывает.

О занятиях полуправнука инков Марина сама толком ничего не знает, зато подозрений ее хватило бы на дюжину детективных романов. Мы, собственно, и познакомились-то, когда она решила раз и навсегда успокоить материнское сердце при содействии карточной колоды — если уж иначе не выходит. Моя тогдашняя квартирная хозяйка оказалась Маринкиной дачной соседкой; она-то и отправила ко мне скорбящую мать, по знакомству. Мне в ту пору в голову не приходило гаданием

зарабатывать. Хобби себе и хобби. Подружкам, если попросят, могу карты разложить, и довольно. Но с квартирными хозяйками надо дружить, поэтому пришлось согласиться на визит незнакомой дамы.

Незнакомая дама очаровала меня с первого взгляда, я ее, кажется, тоже. Гадание у нас, правда, вышло вполне заурядное: без грубых ошибок, но и без особых озарений. Весь вечер на стол ложились лишь мечи да пентакли, из чего мы с Мариной сделали вывод: бизнес у Лексей Хуаныча опасный, зато прибыльный. Впрочем, как раз это Марине и без меня было понятно.

Тем не менее она сманила меня к себе в кафе. Объяснила: дескать, ей такой экзотический сервис поможет привлечь новых клиентов, да и старых, возможно, крепче привяжет к заветному месту. Ну и мне, соответственно, лафа: двадцать пять процентов, которые я отстегиваю своей нанимательнице, символические деньги, почти формальность; зато в рабочем кабинете вполне можно жить, не скармливая алчному божеству столичной недвижимости двести долларов в месяц. А с Марины, согласно договору, еще и бесплатный кофе причитается — чем не коммунистический рай для отдельно взятой меня?!

Мне, впрочем, с самого начала было ясно, что Марина ухватилась за возможность ежедневно узнавать новости о сыне — хоть от карточных рыцарей да принцесс, если уж иначе не выходит. Мне-то что, мне не жалко. Интересно даже. В конце концов, криминальный индеец Леша — уникальный экземпляр моей коллекции, единственный человек, о чьих делах я справляюсь ежедневно, на протяжении целого года. Ну, почти целого. 20 марта слово «почти» утратит актуальность. Скоро уже. Совсем скоро.

Спасибо Маринушке, это был самый беззаботный и, пожалуй, самый короткий год моей жизни. Даже не верится, что он уже пролетел. По внутренним часам месяца четыре прошло, не больше, а ведь прежде мне всякая московская зима вечностью казалась. Безвременьем, массовым добровольным соше-

ствием в царство Хель, откуда никто не вернется живым; одна надежда — травой по весне, грибами по осени прорасти, если удастся пробить мягким темечком городской асфальт...

Залпом допив кофе, благодарно тычусь лбом в плечо своей кормилицы, соскальзываю с табурета, обретаю, наконец, твердую почву под ногами. Отправляюсь к себе. Жопа я буду, если не воспользуюсь свободной минуткой, чтобы заняться переводом. Воздастся мне в таком случае в ночь с четверга на пятницу, ибо пятница обозначена в моем ежедневнике страшным словом «deadline». Мертвая, стало быть, линия. Лежит там, в несбывшемся пока «потом», одна, холодная, бездыханная.

Плохи ее дела.

Моя задача состоит в том, чтобы опустить бедняге веки. А для этого придется как следует поработать.

Впрочем, переводить Штрауха — удовольствие. Язык нельзя сказать чтобы прост, но и не шибко замысловат. Видно, что журналист писал: в какие бы метафизические дебри ни занесло его воображение, а излагает четко, собака. Так четко, что волосы дыбом.

«Люди полагают, — пишет Михаэль Штраух, — будто города — порождения их собственной созидательной воли, труда, воодушевления и скуки. Думают, в городах нет места хаосу и наваждениям. Уверяют себя: мы живем в тихом квартале, дети ходят в хорошую школу, торговцы на рынке приветливо с нами здороваются, у нас свой столик в пивном ресторане за углом — что, ну что может нам тут угрожать?! Горожанин беспечен, о да. Уверен: худшее, что может поджидать его на улице, — хулиганы, пушеры да нетрезвые водители. Неприятно, конечно, но ничего не попишешь, дело житейское.

Никто не ожидает, что где-нибудь на пересечении Хохштрассе и Марктплац, между табачной лавкой и зоомагазином, перед ним развернется бездна.

Что ж, тем восхитительней нечаянная встреча.

Иные чудеса и правда предпочитают подстергать свою добычу в пустынях и подземельях; на худой конец — в ночном лесу или на горной тропе. Но их не так уж много осталось. Нын-



че тайны изголодались по свежей крови, вот и предпочитают держаться поближе к людям. А мы... Что ж, мы, как известно, строим для себя города и заполняем их своими телами, все еще пригодными для работы, сна и любви.

Для чудес мы тоже, как ни странно, вполне годимся. Сладкая, калорийная пища, сухие дрова для костра — мы нужны им, и это не всегда хорошая новость».

Вот-вот. Не всегда.

На этом месте я вчера и остановилась. Вернее, просто уснула в обнимку с ноутбуком, не разложив толком футон, — умялась. Проснулась от писка разрядившейся батареи, едва сохранить успела сделанную работу...

Ах, Михаэль, Михаэль, любовь моя, что же ты со мной делаешь?.. Сколько халтур за плечами, а ведь впервые хочется загрести под себя весь текст.

Ага, съест-то он съест, да кто ж ему даст?.. Мои полторы сотни страниц — всего четверть общего объема. Еще двести Наташка, милый мой дружок, переводит сама, а остатки, кажется, спихнула бывшему мужу. Как началась и чем закончится диковинная история сумасшедшего директора музея, мне неизвестно. И мочи нет терпеть до выхода книги. Решено: стану клянчить файл. Наташка решит, что я свихнулась, и будет совершенно права. Она, впрочем, всегда права, даже Аркан Судьбы у нее — Юстиция. Обхохочешься.

...и это не всегда хорошая новость.

Возможно. Но все остальные новости идут в задницу.

Такие, брат, дела.

Через час пришлось выключать все на фиг, ибо Мари-нушка прислала ко мне очередного клиента. Дядечку. Ну, удружила...

Дядечки ко мне ходят нечасто. Считается, не мужское это дело — по гадалкам шастать. Оно и неплохо: будь моя воля, я бы вовсе дела с ними не имела. Тяжелый случай. Жаловаться на жизнь и распускать хвост одновременно — уму непостижимо! Они, тем не менее, как-то умудряются совмещать эти два мероприятия.

Этот, впрочем, с первого взгляда показался мне исключением из общего правила. Высокий, импозантный господин с седыми висками, в дорогом кашемировом пальто. Взор, однако, как у побитой собаки, руки дрожат — едва заметно, и все же... Крепко его, видать, скрутило. Такой вряд ли станет выпендриваться.

— Марина Иннокентьевна сказала, вы на картах гадаете, — смущенно шепчет. — Я хотел только спросить... Только спросить.

— Спрашивайте.

— Вы про здоровье тоже гадаете? Или как?

— Теоретически говоря, да, — отвечаю осторожно. — Но про здоровье лучше все-таки у врача спрашивать. Я вам разве что общую картину могу обрисовать: насколько опасна болезнь, на что можно рассчитывать... Но диагноз я вам не поставлю.

Говорю, а сама чувствую, как каменеет мой желудок. Сколько себя помню, отношения наши с пузом складывались прекрасно, хоть в музей медицины меня сдавай как обладательницу самого здорового желудка на планете. А теперь — что за дрянь такая?! Словно бы каменный шар проглотила, и предмет сей постепенно превращается в свинцовый. Только этого не хватало, что ж тут будешь делать?!

Однако держу лицо. Приветливо улыбаюсь клиенту. Хорошо бы все же не отпускать его восвояси. Я, конечно, наложением рук не исцеляю, толку от меня — чуть. Но какой дурак откажется от соблазна услышать: «Все будет хорошо». Затем он, надо понимать, и пришел.

— У врача я уже был, — поспешно докладывает дядечка. — И завтра снова пойду. Да, завтра... Понимаете, Варя... вас ведь Варя зовут?

— Варвара, — отвечаю с достоинством.

С именем моим такая беда: его до «Вари» сокращать не надо бы. Совсем несолидно звучит: «Варя». А «Варвара» — очень даже неплохо. Особенно сейчас, когда вдруг возродилась мода на все эти якобы исконно русские имена.